

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

По вторникамъ, у генерала Чернобровова устраивались интимные рауты. Генераль былъ отставной и старенькій, лѣтъ подъ восемьдесятъ. Въ свое время, онъ и полкомъ командовалъ, и по инфантеріи числился, и губернаторомъ былъ, а потомъ его обидѣли. А онъ—простилъ. Получилъ пенсію, да аренду, да „такъ“, —и поселился на Пескахъ. Семейства у него не было, кромѣ старушки-жены, которая лѣтъ сорокъ тому назадъ, отъ совѣтниковъ губернскаго правленія амурныя письма на златообрѣзной бумагѣ получала—и тоже давно всѣмъ простила. Жили они скромно, но безъ нужды, и по вторникамъ (черезъ два въ третій) устраивали вечеринки.

Собирались на эти вечеринки, по преимуществу, старые губернаторы. Генералы: Краснощековъ, Пучеглазовъ и Балаболкинъ. Тайные совѣтники: Гвоздиловъ и Покатиловъ. Изъ не-губернаторовъ рауты посѣщали инженеръ-полковникъ Купидоновъ, который въ древности первые мостки черезъ Неву построилъ, да статскій совѣтникъ Набрюшниковъ, который, съ писарскихъ чиновъ, вмѣстѣ съ Покатиловымъ, въ качествѣ наперсника, всю службу продѣлалъ. Купидоновъ обыкновенно привозилъ генеральнѣ сюрпризъ: либо икры зернистой, либо семги, либо копченаго сига, и за эту галантерейность игралъ въ компаніи роль молодого человека, что, впрочемъ, очень къ нему шло, потому что онъ обыкновенно приходилъ въ лосинахъ. Набрюшниковъ не приносилъ ничего, кромѣ преданнаго сердца и замѣчательно-исправнаго аппетита. Всѣхъ ихъ въ свое время обидѣли, и всѣ они простили, кромѣ, впрочемъ, Набрюшникова, который за себя простилъ, но за Покатилова—никогда-съ!

Люди эти были и различнаго происхожденія, и различнаго вос-